

8. Wellman B. Physical place and cyberspace: the rise of networked individualism. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2001, vol. 25, no. 2, pp. 227–252.
9. Latour B. On interobjectivity. *Mind, Culture, and Activity: An International Journal Translation*, 1996, vol. 3, no. 4, pp. 228–245 (Russ. ed.: Latour B. Ob interobektivnosti. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2007, vol. 6, no. 2, pp. 79–98).
10. Vakhshayn V. S. Sotsiologiya veshchei i «povorot k materialnomu» v sotsialnoi teorii (Sociology of things and «turn to material» in the social theory). *Sotsiologiya veshchei* (Sociology of things). Moscow, 2006, pp. 7–42.
11. Law J. Objects and spaces. *Theory, Culture & Society*, 2002, vol. 19, no. 5–6, pp. 91–105 (Russ. ed.: Law J. Obekty i prostranstva. *Sotsiologiya veshchey*. Moscow, 2006, pp. 223–244).
12. Haussling R. *Soziologische Essays zu Leitaspekten der Netzwerktheorie*. Stuttgart, 2003. 195 p. (Russ. ed.: Khoisling R. *Sotsiologicheskie esse po osnovnym aspektam setevoi teorii*. Moscow, 2003. 192 p.).

УДК 165.023

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ И БЕЗНАКАЗАННОСТЬ ПОЗНАНИЯ

Секацкий Александр Куприянович –

кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории, Институт философии при СПбГУ, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: asekatki@mail.ru

В статье рассматриваются условия истинного познания, в некоем смысле предшествующие выполнению логических процедур и правил. Сущее, которое подлежит познанию, по крайней мере, не должно меняться в ходе познавательных усилий, лишь в этом случае мы имеем дело с наукой и научной истиной (достоверностью). Одновременно мы можем представить себе диапазоны познания других возможных миров (например, божественное познание), где параметры истины заданы иным образом. Далее исследуются способы предварительного конструирования или выбора такой раскадровки сущего, которая позволила бы свести любые «предметы» к человеческому диапазону истины, подобный способ лучше всего известен в социологии, где он называется созданием репрезентативной выборки. Рассматриваются и некоторые социальные последствия торжества подобных процедур: в современном обществе можно говорить о презумпции добровольной познаваемости себя самого другими, возникает новый своеобразный этический императив; будь познаваемым!

Ключевые слова: диапазон истины, природа, суперпозиция, сингулярность, объект познания, картина мира, видимость и сущность.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-51-55

Для того чтобы познание было не только истинным, но и вообще возможным, необходим ряд условий, экспликация которых обычно не входит в гносеологические трактаты. Многочисленные статьи о логике и гносеологии науки ограничиваются анализом имманентной процедуры вывода и способов проверки результатов путем выборочного обращения к «внешнему миру». В каком-то смысле речь идет о правилах сервировки приборов познания, что, конечно же, весьма важно, но только если уже прозвучал

призыв «кушать подано» или, в нашем случае – *познавать подано*. Попробуем рассмотреть такое существенное предварительное условие, как заданность диапазона истины: оно предполагает, что предмет познания в результате применения гносеологических процедур и измерительных инструментов, в самом широком смысле слова, не меняется, т.е. следующий познающий застанет его таким же, как и тот, кто уже произвел свои измерения. После открытия корпускулярно-волнового дуализма это уже не очевидно: ясно, что уже не всякий предмет познания отвечает подобным минимальным требованиям [1]. Возникает и другая коллизия, связанная с состоянием самого познающего: как событие постижения, познание от первого лица, истина должна свершиться как бы впервые: какую бы неисчерпаемую регулярность она ни открыла, она, истина, должна быть личной сингулярностью для меня, иначе событие познания вообще не случится. Иными словами, истинное познание, не меняя ничего в познании, радикально меняет самого познающего, и без совместного соблюдения этих двух условий истинное познание (познание истины) невозможно.

Предварительно очерченный диапазон истины можно признать значимым для нашего разума и разума, подобного нашему. А если прибегнуть к логике иных возможных миров? Возможно ли познающее существо, которое могло бы осуществлять безнаказанное познание в ином диапазоне? Например, постигать суперпозиции без их разрушения и, следовательно, свободно прогуливаться

в мире мерцающих квантовых ансамблей, а заодно одомашнить кошку Шредингера и слушать по ночам ее мурлыканье?

Каков, например, диапазон истинного познания всемогущего Бога, если исходить из того, что ему приписывается? Размышление над этим вопросом приводит к довольно интересным выводам: данный диапазон, по-видимому, вообще не включает в себя диапазон истинного *человеческого познания*, он является принципиально иным. Например, объекты макромира Бог не может мыслить иначе, чем они суть, ведь тогда получилось бы, что объекты эти могли бы быть не тем, чем Бог их мыслит, т.е. пришлось бы признать, что Бог может ошибаться и ошибается. Стало быть, невозможно их безнаказанное познание, а значит, бессмысленно в этом случае говорить и об «истинном познании», просто потому, что оно ничем не отличается от истинного бытия, иными словами, от Бытия. Бог не ведает лжи, что само собой разумеется, но, возможно, он не ведает и того, что осыпалось в отстойник эмпирической осуществленности [2, с. 60–72]. Познаваемые нами объекты в их неуточненной экземплярности суть своеобразные «крошки на полу», образовавшиеся в ходе и в результате творения. Статистический разброс вполне может указывать на разбросанность божественного мусора. Все, отпавшее от Бога, существует исключительно лишь в силу отпадения, т.е. пока Бог *не знает* об этом; ведь ясно, что истинное познание Бога устранило бы разброс, исключило бы ложные положения.

Таково и очевидное, и принципиальное несовпадение диапазонов, однако это еще не все. В то время как для человеческого познания выход из диапазона истины сопровождается разрушениями, познаваемое претерпевает ущерб разной степени тяжести, для Бога, похоже, дело обстоит не так. Мы ведь не зря говорим: «есть вещи, которые можно доверить только Богу» или «это знает только Бог» или «только я и Бог». Тут важно, что знание Бога ни в чем мне не препятствует, а вот чье-то иное знание вполне могло бы оказаться для меня разрушительным. Стало быть, для Бога и даже, в духе Канта, для *иного возможного разума, чем наш*, доступно истинное познание наших душ, тогда как для человека, для простого смертного, чужая душа – потемки. Слова Аглаи, адресованные князю Мышкину, «а потом вы все угадали, князь, и все испортили» [3, с. 216] могли бы быть адресованы любому человеку, но не Богу. Таким образом, истинное познание Бога не разрушает наших душ, хотя оно уничтожило бы все скрытые от Божественного познания крошки творения (очистило бы мир от

мусора), все статистические разбросы – для нас они все же находятся в диапазоне истины и даже являются привилегированной сферой, в которой выполняется принцип «знание – сила».

А объекты, находящиеся за «левой» кромкой диапазона истины, ведомы ли они Богу и в какой степени? Для квантовой механики этот вопрос, конечно, лишен смысла, но для метафизики в духе Шеллинга – не совсем. Там мерцающие соотношения, еще не отпущенные в окончательное отпадение, пребывают в исходной продуктивности и даже являются способом ее собственного пребывания, и даже познанием; в некоем спекулятивном смысле Бог как исходная продуктивность *знает* суперпозиции, а всякое познание извне есть декогеренция, приводящая к отпадению, к тому, что крошки экземплярности осыпаются, выбывая из состава знания Бога. Наш устойчивый мир как раз и состоит из устойчивой, осыпавшейся экземплярности; в отношении элементарных частиц это еще не очевидно, поскольку еще нельзя установить, *тот же* перед нами электрон или просто *такой же* [4], но вот уже атомы как следующий уровень экземплярности перемещаются в диапазон человеческой истины, выпадая из сферы истинного познания Бога. Мы не можем доказать, что Богу нужно *ровно столько* атомов, и значит в своей случайной совокупной численности они и впрямь напоминают крошки, упавшие со стола.

Сравнение диапазонов ставит вопрос о возможном пространстве совпадения: что бы это могло быть? Сразу напрашивается ответ: математика – и тогда мы можем определить ее как единственную область пересечения, входящую в диапазон истинного познания и Бога, и человека. Выражение «Бог мыслит на языке математики» использовалось неоднократно, но имеет ли к этому отношение то, что принуждение к согласию в математике является беспрецедентным, что подобная степень согласия недостижима за пределами математики? Присмотримся к математическим объектам с точки зрения уже упоминавшихся критериев. Неисчерпаемость здесь явно доведена до предела, математические соотношения таковы, что в принципе «не знают износа»: если опять-таки гравитационное соотношение между двумя объектами может как-то измениться со временем – выдохнуться, «зачахнуть», износиться, то соотношению между квадратом гипотенузы и суммой квадратов катетов это явно не грозит. Сколько ни возводи в степень такой математический объект как число, ему от этого не убудет.

И все же это, скорее, неисчерпаемая сингулярность, чем неисчерпаемая регулярность.

Ведь неисчерпаемая регулярность Богом только допущена, и пожелай он ее *истинно познать*, стохастический разброс был бы прекращен. Но все остальные истины Бога кроме математических для нас трансцендентны. А в отношении математики можно сказать, что хотя ее объекты сингулярны, но человеческому разуму даны непреложным образом, мы не можем произвольным образом изменить число этих великих сингулярностей. Человеческие «художества» в математике наименее допустимы, а вот Бог именно в математике выступает как художник. Он создал настоящее произведение искусства, ибо сколько ни тиражируй его неисчерпаемую сингулярность, с Оригиналом все равно ничего не произойдет.

Итак, интересующий нас диапазон представляет собой привычный и хорошо приспособленный для познания интерьер. Это, так сказать, гладкое когнитивное пространство, за пределами которого расположены квантовые объекты вида $(n\uparrow, n\downarrow)$, а также субъекты со своей субъективной жизнью. Но нет ли внутри гладкого пространства зон повышенной странности, своего рода черных дыр? Мы можем представить себе, например, электронное табло, соединенное с видеокамерой, которое меняет свой цвет или картинку в зависимости от количества взглянувших на него. И вот исследователь желает произвести акт познания, желает узнать, что же изображено на табло. И что же? Изображение изменится как только познающий на него взглянет – и как раз именно по этой причине!

Ситуация такого рода выглядит довольно искусственной, и все же сам факт ее возможности указывает на то, что в континууме безнаказанного (истинного) познания могут скрываться и другие черные дыры. Некоторые подозрения на этот счет давно существуют в философии. Так, мы считаем, что указания на естественный ход вещей, на природу (фюзис) вполне достаточно при выполнении соответствующих процедур. И Кант, и представители позитивизма в равной мере из этого исходят, хотя и понимают природу по-разному. Но можно потребовать и дополнительных гарантий: откуда мы знаем, что происходит с вещами, когда они остаются без присмотра? Может, стул коварно поднимает ногу, когда оказывается у нас за спиной? А если он этого не делает, то, возможно, лишь потому, что Хранитель прилагает дополнительные усилия хранения?

Истинное познание, однако, может не считаться с подобными опасениями – ведь и я, и любой другой могут всегда измерить параметры этого стула и получить те же значения. А ничего большего и не требуется – что делает стул за

пределами измерений не влияет на результаты измерений и, стало быть, не мешает истине. Сложнее дело обстоит с дистанцией рассмотрения.

Скажем так, с обратной стороны точности дело обстоит так же, как с обратной стороной Луны: требуется особая оптика, чтобы их увидеть. Вот блестящий афоризм Витгенштейна: «Если я должен сказать, как предмет выглядит издали, то это описание не станет точнее, если я расскажу о том, что в нем можно заметить вблизи» [5, с. 150]

Итак, что это за концепт – «предмет, каким он видится издали»? Традиционная европейская гносеология склонна соединять с этим концептом представление о прискорбной неточности: даже если будет обоснована неизбежность такой позиции (или позиций), прискорбность подобного положения вещей как бы сама собой разумеется. В результате, в какой-то степени мы понимаем, что всякая неточность определяется по отношению к чему-то точному, которое, однако, само остается достаточно загадочным (а стало быть и неточным). По умолчанию точность понимается, исходя из оптикоцентрической метафоры, как *in fovea*, «в фокусе» и ассоциируется с наведенной резкостью. Но даже в такой прямой оптике явно не учитывается работа внутреннего «фотошопа»; термин *in fovea* вообще имеет хоть какой-нибудь смысл только в случае принципиальной неоднородности всегда наличного поля зрения. Что-то может быть в фокусе только тогда, когда что-то не в фокусе, т.е. точность зависит от системы отсчета в той же мере, как покой и движение: «предмет, видимый издали» – это образец тематизации, которая сама по себе ничуть не хуже чем «предмет, находящийся на расстоянии вытянутой руки».

Вот и Луна, видимая издали, так как она обычно видна невооруженным глазом, имеет коридор собственной исчерпывающей точности, к которому мы не можем добавить описание отдельно взятого кратера. Луна поэтов и Луна оборотней отличается от Луны астрономов, которая, в свою очередь совсем не та, что Луна алхимиков. И ни один из них не смог бы обогатить своими деталями соседнюю Луну — таков первый круг соображений. Но утверждение Витгенштейна заставляет задуматься еще вот о чем: идеал исчерпывающего знания, предполагающий, что никакая дополнительная деталь не помешает, т.е. идеал, лежащий в основе науки, все же не совсем безвреден, поскольку он поразительным образом ответственен именно за расплывчатость, загроможденность научной картины мира. Если попытаться конспективно изложить, в чем же состоит вклад в науку отдельного, но типичного

работника, ответом будет как раз перефразированный тезис Витгенштейна: это прибавление к «предмету, как он виден издали» нескольких деталей, которые можно заметить только вблизи без укрупнения самого предмета. Соответственно, чтобы получить хоть какой-нибудь фокус, необходима последовательность не уточняющих, а, так сказать, «рас-точняющих» процедур, элиминация иномасштабных загромождений из важнейших коридоров *собственной* точности. Следует произвести решительное очищение картинки того, как *предмет выглядит издали*.

Главное, однако, избавиться от пагубной привычки прилаживать на всякий случай (по принципу кашу маслом не испортишь) к собственной картине детали из другой точности, в результате чего «предмет, как он виден издали» совсем расплывается и тускнеет. Это прекрасно понимал Кант, описывая вред, проистекающий от смешения наук – и он был одним из немногих, кто не стал портить свою метафизическую Луну ни астрономическими кратерами, ни астрологическими «аспектами». Но уже Шеллинг и Гегель в попытках улучшить и продвинуть дальше систему, сочли, что научный декор не повредит – в результате их «картины» обрушились во многих местах (правда, масштабы даже сохранившихся «фресок» со временем впечатляют все больше и больше).

Свести все картины к картинам, видимым вблизи, – вот в чем, в действительности, состоит прогрессия знания. Ведь и внутри семиозиса познания есть различные перспективы, причем и истинные перспективы, дающие точный образ предмета, как он виден издали, или, например, как он виден, если оглянуться через левое плечо. Однако эти перспективы эталоном не являются, наука есть сеть равномерной детализации, наброшенная на природу (фюзис), а заодно и на остальные семиозисы: сеть должна обеспечивать стандартный улов.

Научные работники, в свою очередь, суть добросовестные исполнители заказа, который их вполне устраивает, прежде всего потому, что он выступает не просто хорошим регулятором, но и мультипликатором их численности. Если бы требовалось неперемutable удержание горизонтов, т.е. собственных коридоров точности, такого количества ученых, конечно же, набрать бы не удалось. А так усреднение точности горизонтов знания приводит к еще большему усреднению познающих: учеными в равной мере считаются и создатели новой панорамы, и те, кто способен удерживать ранг общности основного проблемного поля, а заодно и экспортеры деталей, в сущности, контрабандисты, прота-

скивающие видимое на расстоянии вытянутой руки в зоны собственной куриной слепоты.

Может показаться, что некоторые дистанции рассмотрения исключены из диапазона научного познания, хотя предметами «своего рода познания» они все же остаются. Такие внутренние участки в диапазоне возможной истины требуют отдельного анализа, поскольку могут рассматриваться не только как черные дыры, т.е. как зоны провалов, но и как зоны перекрытий в сфере человекознания, где, принимая человека за объект, можно получать некоторые объективные или объектные истины (такова, например, социология), т.е. если навести перископы познания на человека, выбрав некий расфокусированный «вид издали», познавательные операции не будут слишком отличаться от тех, что доказали свою пригодность при познании природы. Но сначала нужно сконструировать объект под названием «репрезентативная выборка» (весьма похожий на объект «вывеска, вид издали»). Такие объекты будут отличаться друг от друга по параметрам, поддающимся классификации с несомненной пользой для дела. Но если сфокусировать видоискатель, выясняется, что каждая «вывеска» содержит еще некую надпись, которая, однако, лежит за пределами диапазона научной истины по двум причинам: во-первых, она не входит в объект под названием «репрезентативная выборка», ее там не разглядеть. Во-вторых, считывание надписи (персонального кода доступа) приведет к необратимому изменению объекта, т.е. не останется безнаказанным – значит, в качестве истины она доступна только Богу.

Здесь стоит задержаться, прежде чем продолжить исследование пространства неисчерпаемой регулярности на предмет обнаружения в нем других черных дыр. Вдумаемся, для чего люди *делают вид*? Самое поразительное, что придется рассмотреть два противоположных ответа:

1) чтобы укрыться от познания, не дать себя раскусить, подставляя видимость вместо сущности;

2) тем самым реализуется требование предстать для других в умопостигаемом виде; оно сродни твердому намерению не ходить по улицам голым, дабы не смущать окружающих, не наносить ущерба их нравственности. Создавая видимость, мы добровольно-принудительно подставляем себя под сканирующее устройство познающих.

Нечто подобное имел в виду и Кант в «Критике практического разума»: «Здесь ведь дело касается не познания свойств предметов, которые посредством чего-то и где-то могут быть даны разуму, а познания, поскольку оно может стать основанием самого существования предметов

и поскольку разум через него имеет в разумном существе причинность» [6, с. 429]. Но вот неявным и оттого не менее действенным образом в список гражданских добродетелей вносится важнейшее дополнение. Наряду с давно известными пожеланиями типа «будь честным, вежливым, благодарным и т. п.» появляется новая неявная заповедь: *будь познаваемым!* И этот императив обеспечивается всеми ресурсами социума. Ведь законопослушность это, не в последнюю очередь, послушность законам познания, т.е. пребывание в заключении внутри того диапазона, где (и только где) человеческий разум обретает истину, *знание установленного образца*, причем в данном случае обретает за пределами возможного опыта. Тогда мы можем сформулировать принцип публичной социальности и гражданского общества как ее частного случая. Все дело в том, что за пределами возможного опыта создаются подобию возможного опыта (в смысле Канта) и в этих зонах (совокупность которых является гражданским обществом) люди берут на себя как бы добровольные обязательства быть познаваемыми друг для друга.

Когда мы делаем вид, он больше всего напоминает «вид издали». Для физических объектов и процессов вид издали вполне пригоден, он описывается гауссовскими уравнениями, ранговыми распределениями Лотки — Ципфа и т.д., но здесь любое укрупнение не приводит к потере познавательного статуса, к исчерпанию регулярности. А вот в мире субъектов «вид издали», удержание на определенной дистанции оказывается единственно пригодным для научного изучения, тут любое укрупнение (персонализация) означает выход за пределы явлений, прекращающий безнаказанное познание.

Список литературы

1. Callender C., Huggat N. *Physics meets Philosophy*. Cambridge, 2004. 380 p.

2. Секацкий А. К. *Онтология лжи*. СПб., 2000. 125 с.
3. Достоевский Ф. М. *Идиот*. М., 1977. 617 с.
4. Wilchek F., Devine E. *Longing for Harmonies*. N.Y., 1988. 311 p.
5. Витгенштейн Л. *Философские работы* : в 2 т. М., 1994. Т. 1. 520 с.
6. Кант И. *Сочинения* : в 8 т. М., 2000. Т. 4. 630 с.

The Problem of Truth and the «Safety» of Knowledge

A. K. Sekatskiy

St.-Petersburg State University
7/9, Universitetskaya quay., St.-Petersburg, 199034, Russia
E-mail: asekatski@mail.ru

The article is devoted to the main conditions of truthful knowledge which are beyond usual epistemological reasons. First of all, objects which we try to investigate must be stable and not destroyed during our investigation, only in this case science is possible. But at the same time we may imagine other possible worlds, for example, «the knowledge of God» where we find its own dimensions of truth.

The article treats also some means which help to reduce all kinds of tasks to the standard model of «human science», it is especially evident in case of sociology. More than that, we have now new social imperative: to be transparent to each other, to human mind in general.

Key words: range of truth, nature, superposition, singularity, object of knowledge, picture of the world, phenomena and essence.

References

1. Callender C., Huggat N. *Physics meets philosophy*. Cambridge, 2004. 380 p.
2. Sekatski F. K. *Ontologia lzhi (The ontology of lie.)* St.-Petersburg, 2000. 125 p.
3. Dostoevsky F. M. *Idiot (The Possessed)*. Moscow, 1977. 617 p.
4. Wilchek F., Devine E. *Longing for harmonies*. New York, 1988. 311 p.
5. Wittgenstein L. *Philosophskie issledovaniya: v 2 t. (Philosophical investigations: in 2 vol.)*. Moscow, 1994. Vol. 1. 520 p.
6. Kant I. *Soch.: v 8 t. (Complete works: in 8 vol.)*. Moscow, 2000. Vol. 4. 630 p.

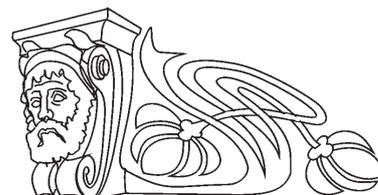
УДК 304.2

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Стычинский Максим Сергеевич —

аспирант кафедры теории и истории культуры, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва
E-mail: stichinsky@gmail.com

Статья посвящена проблеме взаимодействия человечества эпохи глобализации в условиях сохранения поликультурности. Культурные различия являются одной из наиболее важных причин мировой напряженности и конфликтности. В данных обстоятельствах

межкультурный диалог представляется наиболее подходящим форматом коммуникации. Отдельно рассматриваются основные аспекты установления диалога культур. В частности, особое внимание уделяется вопросам роли языка в процессе формирования